

"Актуальные проблемы российской экономической модернизации
18 – начала 20 вв."
для специальности 1-21 80 15 История (магистратура)

**Лекция 2. Экономическое развитие дореволюционной России:
концепции, проблемы, дискуссии в дореволюционной, советской,
современной российской и западной историографии**

План:

1. Реформы и контрреформы в контексте споров о путях развития и о судьбе капитализма в России.
2. Экономическое развитие России в дискуссиях советских историков и экономистов.
3. Экономика России в исследованиях современных российских ученых.
4. Дореволюционная хозяйственная система России в оценках англо-американских исследователей.

Литература

1. Алексеева Г.Д. Народничество в России в XIX веке. Идеиная эволюция. М., 1990.
2. В.В. (В.П. Воронцов). Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
3. А. Волгин [Плеханов Г.В.] Обоснование народничества в трудах господина Воронцова (В.В.). Критический этюд. СПб., 1896.
4. Народническая экономическая литература. М., 1958.
5. Научные дискуссии советских ученых по проблемам истории СССР. Сб. обзоров М., 1990.
6. Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация: (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4.
7. Русские экономисты (XIX – начало XX века): Вып. первый. М., 1997.
8. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964.
9. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX в. Советская историография середины 50 – 60-х гг. М., 1990.
10. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

**1. Реформы и контрреформы в контексте споров о путях развития
и о судьбе капитализма в России**

Постоянство, с которым воспроизводилась смена реформ контрреформами в России заставляет поставить вопрос: насколько вообще адекватен и выверен общий курс реформирования, его стратегия? Не происходит ли его отторжение в самой общественно-экономической жизни с

ее сложившимися традициями, культурой, действием объективных факторов и ограничителей, внутренней и внешней средой.

В этой связи представляет несомненный интерес изучение той идеологической борьбы, которая в течение последних 2 столетий развернулась по поводу выбора курса общественно-экономического развития страны. По-настоящему первой серьезной пробой сил стала острая полемика между западниками и славянофилами, которая развернулась с конца 30-х гг. XIX в. об исторических путях развития России, об оценке петровских деяний и будущей судьбе страны. Центральной проблемой общественной мысли того времени стало взаимоотношение России и Запада (Европы), вокруг которой разгорелся спор о том, идти ли России вслед за Европой или искать свой самобытный путь. Таким был модернизационный подтекст споров середины XIX в. Так, если представители западничества, а это Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев (к ним на разных этапах примыкали А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, И.С. Тургенев и др.) оценивали европеизацию России как благо для нее и объективную историческую неизбежность, то вдохновители славянофильства А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, А.И. Кошелев выработали целостный взгляд на место и роль России в мире, на особый путь ее развития.

Наиболее последовательный западник К.Д. Кавелин считал, что XVII век выступил рубежом для России. Вопрос стоял так: быть ей независимым государством или исчезнуть. Такая драматическая коллизия, по его убеждению, обуславливалась исчерпанностью внутренних сил и источников развития. Говоря о кризисном, даже катастрофическом состоянии допетровской России западники оценивали петровские реформы как преобразования, которые спасли Россию. После петровского переворота развитие России пошло по новому пути, а это означало, что «сильные европейские влияния на Россию стали совершившимся фактом; с тех пор, в продолжение полутора столетия лет они не только не ослабевали, но, напротив все усиливались, более и более проникали в русскую жизнь и стали одним из ее составных элементов». Опираясь на подобный вывод последующие поколения западников отрицали реальность возвращения к самобытным основам общественно-экономического развития России.

В свою очередь славянофилы выступили с существенными возражениями, отрицая правильность утверждения о том, что страна стояла на пороге своей гибели. Оценки и факты заставляют усомниться в утверждении о смертельном недуге, которым была поражена допетровская Русь. Внутренняя установка славянофильского течения имела вполне осознанный критический подход к Западу, его культуре и общественному устройству, не сводимый, однако, к абсолютному отрицанию все и вся. Тем более, что главные идеологи славянофильства учились в университетах Германии и достаточно хорошо знали жизнь европейских государств. Например, И.В. Киреевский, подвергая суровой критике Запад, при этом не

отрицал ценности европейской культуры, призывал к ее синтезу с русскими началами.

Вместе с тем «русская точка зрения» не замыкалась на критике, она стимулировала возрождение внимания к исторически существовавшим первоосновам России, к которым славянофилы относили общинность и артельность в хозяйственной организации народной жизни, соборность в государственном устройстве и ключевую роль православия для судьбы России, ее культуры и духовной жизни. В противоположность западничеству с преобладанием в нем подражательства славянофильство заложило основы самостоятельного научного мышления. По этому поводу характерно высказывание Н.А. Бердяева. Для него славянофилы «были первыми русскими европейцами», «которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейскую культуру, но и пытались в ней творчески участвовать».

Вместе с тем было бы неверным не замечать серьезных возражений по поводу предпочтительности и обоснованности славянофильских историософских построений. Тем более, что они опираются на последующие реальные события в развитии как Западной Европы, так и России. Первое историческое опровержение связано со славянофильским прогнозом об исчерпанности западного мира в ходе капиталистической трансформации. Как известно такой вывод делался на основе наблюдения растущей рационализации жизни на Западе и утраты в ней подлинно христианских основ. Поэтому его судьба представлялась в эсхатологических видениях. Однако спустя более 100 лет после этого западный мир не просто выжил, но в настоящее время приобрел еще большее значение в качестве образца для подражания. Сказалась недооценка его способности к внутреннему переустройству. Однако если иметь ввиду то, что западный мир в своем развитии не смог уберечься от мощных потрясений и катаклизмов (мировых и бесконечных малых войн, революций, фашизма), более того – сам их породил, и сегодня внутренний разлад в нем сохраняется, то эсхатологические исторические предвидения славянофилов все же не столь беспочвенны.

В качестве второго опровержения исторической доктрины славянофильства можно рассмотреть следующее. Как оказалось в реальной жизни, в России (Святой Руси) – оплоте подлинного христианства тем не менее произошла революция, считавшаяся уделом западной цивилизации. Таким образом, православно-христианская культура не смогла страну от потрясений и гражданской войны. Возможно из-за коррозии в ней самой произошедшей.

Если споры западников и славянофилов в середине XIX в. носили преимущественно общий историософский характер и находились далеко от хозяйственной деятельности, то в последующие десятилетия эпицентром становится борьба за выбор курса непосредственно в экономике. Здесь важно рассмотреть отношение разных течений русской экономической мысли к проблеме нарастающей капитализации российского хозяйства: как ими

оценивались ее перспективы и судьба в западном исполнении, какие при этом выдвигались альтернативные варианты. В истории русской экономической мысли древолюционного периода, как правило, главными участниками новой дискуссии считаются с одной стороны, экономисты–народники, с другой «легальные марксисты», социал-демократы (ортодоксальные марксисты) и экономисты придерживавшиеся либеральных взглядов.

В конце XIX в. для В.И. Ленина несомненным был тезис об универсальности и всеобщности западнокапиталистического образца хозяйства, к которому с объективной неизбежностью движутся все страны, включая Россию. Однако для русских марксистских ортодоксов такая платформа была необходима не для защиты идеи строительства капитализма в России. Она была промежуточной и лишь служила в то время задаче подталкивания страны к социалистической революции. Социализм наступает как закономерный результат истощенности капитализма, его «перезрелости». Поэтому чем скорее формировался капитализм, тем быстрее расчищалось пространство для приближения социалистической революции, формируя пролетариат, призванный стать его могильщиком.

Однако на практике данная теоретическая конструкция заметно модифицировалась. Форсирование капитализации России приблизило революцию, но не через повышение зрелости капитализма, приводящей к его истощенности, а через обострение всего комплекса противоречий до-капитализма и раннего капитализма. Именно такое сочетание разноплановых противоречий предельно обострило социально-экономическую ситуацию и при определенных условиях вылилось в антикапиталистический взрыв, обеспечивая переход от неполного капитализма к социализму. Тем более что такой неполный капитализм несет в себе то преимущество для возможного социального переворота, которое связано с отсутствием организованной буржуазии как противодействующей политической силы. Иначе говоря, социалистическую революцию в реальности породил не «перезревший», а «недозревший» капитализм. Более определенную позицию защиты капитализации России занимали «легальные марксисты». П.Б. Струве объяснял что народ страдает в России не от развития капитализма, а от недостаточного его развития».

В последние годы своей жизни К. Маркс основательно изучал социально-экономическую ситуацию в России после реформы 1861 г. и его взгляды по поводу неизбежности наступления капитализма существенно трансформировались, о чем имеются прямые указания. Уже в 1877 г. им было написано письмо в редакцию «Отечественных записок», которое по неизвестным причинам не было отправлено и только после смерти Маркса опубликовано на русском языке первоначально в 1886 г. в Женеве, а затем в 1888 г. в русской легальной печати. В нем он, во-первых, высказался отрицательно по поводу претензии на «универсальность» той схемы, по которой происходил переход к капитализму на Западе. Во-вторых, вполне определенно зафиксировал свою позицию в отношении повторения этой

схемы в российских условиях. «Если Россия, — писал Маркс, — будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя».

О том, что это неслучайный вывод, свидетельствовали и более поздние его оценки. В ответ на прямое обращение В. И. Засулич в 1881 г. с просьбой высказаться о судьбе русской общины, Маркс дал следующий ответ: «... Специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворное влияние, которому она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

Понятно, что такое заключение, близкое к оценкам народников, вряд ли могло устроить русских марксистов, которые, апеллируя к Марксу, как раз отстаивали противоположную позицию. Видимо, именно поэтому это важное письмо Маркса фактически утаили от общественности (о нем также знал Г.В. Плеханов). Оно было опубликовано в 1924 г., т.е. спустя 43 года после его написания, когда Марксова оценка перешла в разряд исторических.

2. Экономическое развитие России в дискуссиях советских историков и экономистов

В фундаментальном исследовании В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» была теоретически обоснована и раскрыта естественность возникновения и становления капиталистической формации в России. Особенность В.И. Ленина как исследователя состояла в том, что он, переосмыслив работы своих современников и дополнив их собственными наблюдениями, с позиций марксистской политической экономии последовательно провел идею об общей направленности экономического развития России со странами Западной Европы. В обзоре ленинской концепции капиталистического развития России можно выделить ряд узловых проблем. Они сводятся к следующим: социально-экономическое значение отмены крепостного права в 1861 г. и влияние реформы на развитие промышленного сектора; роль внутреннего рынка для российского капитализма; взаимообусловленность развития капитализма в промышленности и земледелии России; общность путей капиталистической эволюции России и стран Западной Европы; закономерности развития капитализма в России и переход его в высшую стадию – империализм; особенности экономического развития страны в конце XIX – начале XX в.; роль государства и иностранного капитала в экономике страны. Вполне очевидно, что указанные проблемы взаимосвязаны и разделены условно.

Остановимся на примере решения В.И. Лениным вопроса о роли иностранного капитала в России. Основные положения его взглядов сводятся к следующему. Россия, встав на путь промышленного капитализма вслед за

передовыми державами Европы, воспользовалась не только их опытом, но и помощью, главным образом финансовой. Именно такая возможность привела к значительному ускорению капиталистического развития. Но проникновение иностранного капитала привело к тому, что Россия, то есть самодержавие, попала в финансовую зависимость от более богатых стран Западной Европы. Как писал В.И. Ленин, «Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы»», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название «Англия и Франция». Но это не означает зависимости развития и подчинения его Западной Европе, т.к. «без всесторонней помощи русских капиталистов они (иностраные капиталисты) не могли бы действовать в России».

В таких крупных работах, как «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Грозная катастрофа и как с ней бороться», В.И. Лениным была доказана закономерность вступления российского капитализма в его высшую стадию. А это в свою очередь свидетельствовало о схожести пути развития России и капиталистических стран Западной Европы. Закономерность этой линии развития, то есть вызревания империализма, нашло проявление в общих для всех стран характерных явлениях, имевших место и в России. Это – возникновение и развитие монополий, финансового капитала и государственно-монополистического капитализма. В тоже время В.И. Ленин также указал на особенность России, которая заключалась в том, что «новейше-капиталистический империализм» был оплетен густой сетью отношений докапиталистических. А это порождало чрезвычайную остроту противоречий в России, которой были присущи, помимо общих противоречий империализма, и противоречия между капитализмом и остатками крепостничества.

В.И. Ленин неоднократно обращался к такой специфической в условиях России проблеме взаимодействия власти и буржуазии, прослеживая определенные этапы в его эволюции. Ленин подчеркивал, что самодержавие издавна вскармливало буржуазию, а она в свою очередь пробивала себе деньгами доступ к «верхам» и влияние на законодательство и управление. При этом В.И. Ленин отмечал общее несоответствие интересов буржуазии и отживающего абсолютизма. Оно нашло свое отражение в главном противоречии между сохранением 99% из 100% политической власти в руках абсолютизма, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии, с другой. Несмотря на специфические условия взаимодействия власти и буржуазии в России, В.И. Ленин отмечал также и общие, характерные для всех капиталистических стран формы влияния капитала на государственную власть через представительные учреждения. С этой точки зрения период после революции 1905–1907 гг. представляет собой несколько иную ипостась в этом взаимодействии по сравнению с 1861–1904 гг. Как писал В.И. Ленин в 1909 г. «буржуазия организована в общенациональном масштабе, т.е. именно как класс, известная часть которого представлена (и очень влиятельно представлена) в III Думе».

Необходимо признать, что, несмотря на очевидные сегодня изъяны ленинской концепции, она до сих пор остается эффективной моделью изучения сложной и неоднозначной фактуры российской действительности. Во-первых, был доказан капиталистический характер эволюции России, во-вторых, вскрыта крайняя противоречивость экономического развития, и, наконец, не только показано отставание России от передовых промышленных держав, но и дано аргументированное объяснение его причин. А вот то, что касается интерпретации специфических черт эволюции России во второй половине XIX в., то их толкование ограничено рамками так называемых «феодальных пережитков», к числу которых принадлежат самодержавие и община. Как это видно, емкое понятие «особенностей развития» в концепции В.И. Ленина носит односторонне негативный характер. Это положение вряд ли можно безоговорочно принять, т.к. сам термин «пережитки» не учитывает национальных традиций российской государственности и хозяйствования.

Труды В.И. Ленина, посвященные анализу капиталистической эволюции народного хозяйства России, во многом определили основные направления изучения генезиса капитализма в советской историографии. Развитие советской историографии – это прежде всего история решения проблемы соотношения общего и особенного в капиталистической эволюции России. Все дискуссии, которые возникали на протяжении долгих лет, в основе своей были порождены попыткой связать общие закономерности развития с особенностями капиталистической эволюции России.

В 20–30-е гг. прошлого столетия главным направлением стала разработка наиболее общих проблем российского капитализма. Как правило, исследования тех лет опирались на узкую документальную основу, и поэтому господствовавшие тогда общие представления носили априорный характер. Это в первую очередь относится к возникшей в 20-е гг. концепции дочернего происхождения монополий и финансового капитала Н.Н. Ванага, которая была попыткой раскрыть своеобразие их возникновения в России в сравнении с передовыми промышленными странами. Концепция Н.Н. Ванага была тесно связана с оценкой роли иностранного капитала, которому приписывалось решающее значение в утверждении монополистического капитализма в России. Подобные суждения, свидетельствовавшие об отсталости капитализма в России и ее зависимости от передовых стран, заложили основу в исторической науке для обоснования тезиса о полукOLONIALной зависимости, который в конце 30-х гг. XX в. был сформулирован И.В. Сталиным и закреплен кратким курсом истории ВКП (б). Демонизация иностранного предпринимательского капитала, обвинения его в захвате и закабалении российской экономики, в превращении России в полукOLONIU основывались на занижении уровня ее социально-экономического развития. Обычным явлением стало подчеркивание технико-экономической отсталости страны, господства иностранного капитала в ее народном хозяйстве. Фактически даже перестал употребляться термин капиталистическая индустриализация России, а социалистическая

индустриализация иногда трактовалась как процесс, начавшийся чуть ли не с нуля. В то время успехи социалистического строительства в СССР оценивались в сравнении с уровнем индустриального развития России на 1913 г. После провала первой пятилетки Сталин и его окружение, чтобы создать видимость успехов, прибегли к очередной фальсификации истории. Под воздействием упомянутого сталинского тезиса во вновь выходящих книгах были существенно уменьшены показатели валовой продукции промышленности страны и ее удельного веса в мировом промышленном производстве. С того же времени при характеристике российского народного хозяйства акцент стал делаться на технико-экономической отсталости страны и ее зависимости от иностранного капитала. Новое звучание тезису о полуколониальном характере экономики России придала печально известная кампания 1940-х гг. по борьбе с космополитизмом: иностранный капитал был объявлен главным виновником отсталости страны, умышленно тормозившим ее развитие.

«Краткий курс» изображал буржуазию в полуколониальной и отсталой России неразвитой и слабой. Приравняв Россию по ее хозяйственной структуре и типу развития к многоукладным странам колониальной и полуколониальной периферии мирового капитализма историки идентифицировали российскую буржуазию как «слабую», «запоздалую», ссылаясь на ленинское утверждение о ее неспособности «ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему прогрессивному историческому действию».

Приведенные выше представления о характере и особенностях капиталистической эволюции России остались и в литературе 40-х гг. Но вместе с тем потребности развития науки выдвинули перед историками ряд новых задач: изучение истории промышленности, банков, монополий, экономической политики. Подобная конкретизация проблематики исследований неизбежно вела к необходимости систематического поиска архивных документов.

50–60-е гг. XX в. явили собой яркий пример интенсивной разработки многоаспектных сторон капиталистической эволюции России как в промышленном, так и в аграрном секторах на основе широкого использования новых архивных материалов. При этом изучение истории российских монополий неизбежно вело к исследованию процессов формирования государственно-монополистического капитализма. А изучение промышленного развития было неразрывно связано с оценкой роли государства и иностранного капитала в ускорении индустриализации. Важнейшим конечным результатом большого цикла исследований стало преодоление тезиса о полуколониальной зависимости, концепции дочернего происхождения монополий и финансового капитала, а также представлений о неразвитости монополистического капитализма в России.

Отказавшись от этих ошибочных априорных построений советские историки впали в другую крайность. В конечном итоге в историографии 50–60-х гг. степень и уровень развития монополистического и государственно-

монополистического капитализма стал завышаться. Сходная ситуация возникла и при оценке роли самодержавного государства в его содействии промышленному развитию. В исследованиях 60-х гг., а затем и начала 70-х гг. позитивная роль государства сильно переоценивалась. Эта точка зрения была опровергнута лишь в работах историков конца 70-х – начала 80-х гг.

Историки и экономисты, изучавшие промышленное развитие России, еще в 50-х – 60-х гг. разошлись во мнениях относительно датировки промышленного переворота, так и не придя к общему согласию до настоящего времени. Как отмечалось исследователями, в основе этой разноголосицы лежат различные критерии подхода к сущности промышленного переворота и недостаточно ясные представления о развитии фабрично-заводского производства.

Активно изучая в 60-е гг. прошлого столетия проблему иностранного капитала, советские историки раскрыли его противоречивую роль в экономике России: содействуя ускорению темпов промышленного развития, он в то же время способствовал консервации крепостнических пережитков, оказывая финансовую поддержку самодержавию. Но при этом в начале XX в. роль иностранного капитала в народном хозяйстве России постепенно ослабевала в связи с усилением позиций русского национального капитала.

60-е гг. XX века отмечены в советской историографии как время проведения серии дискуссий по проблемам российского капитализма. Среди историков развернулись споры о характере аграрного строя, о мелкотоварном производстве, об особенностях империализма и государственно-монополистического капитализма в России. Все дискуссии были объединены одной общей чертой: попыткой осмыслить диалектические противоречия и неравномерность экономического развития России. В центре дискуссий о государственно-монополистическом капитализме и особенностях империализма в России было множество вопросов: полемика разгорелась вокруг проблемы «сращивания» монополий с государством или «подчинения» госаппарата магнатам финансового капитала, вокруг применения формулировки «военно-феодальный империализм» и трактовки ее содержания. Исследование процесса монополизации нашло свое продолжение в историографии 70–80-х гг.

В результате дискуссий 60-х гг. наметился подход к решению проблемы общего и особенного в экономическом развитии России. С вышеуказанными дискуссиями было связано постепенное оформление концепции многоукладности, которая вновь стала внедрять казалось бы опровергнутые представления о глубокой экономической отсталости России и возводить в абсолют особенности ее развития. «Новое направление» идентифицировало Россию по ее хозяйственной структуре и типу развития с многоукладными странами колониальной и полуколониальной периферии мирового капитализма. Причем интеграция России в мировую капиталистическую систему привела к превращению в аграрно-сырьевой придаток развитых стран Запада. В предвоенные годы Россия не только не догоняла передовые страны Запада, но, напротив все больше отставала от

них в экономическом отношении. Зависимый характер российского капитализма проявлялся, как утверждают сторонники «нового направления», и в нарушении нормальной последовательности становления отраслей капиталистической экономики. По мнению И. Пантина, Е. Плимака «...На Западе экономическое развитие шло от легкой промышленности к созданию отраслей, производящих средства производства, а затем к паровому транспорту. В России же интенсивнейшее строительство железных дорог, а также отраслей крупной промышленности для его нужд развернулось сразу же после отмены крепостного права».

В результате перестали изучаться развитые формы российской капиталистической экономики: крупная промышленность, акционерные предприятия, финансовый капитал. Эта проблематика исчезла из исследовательских планов большинства научных учреждений и вузов страны. Вместе с тем стала вновь преувеличиваться экономическая отсталость России: вследствие ее страна якобы оказалась в тупике, выход из которого возможен был лишь на путях социалистической революции. Один из партийных идеологов брежневского периода С.П. Трапезников писал: «...Россия прозябала в тисках отсталости. Ей угрожала непосредственная национальная гибель. Россию спасла Великая Октябрьская социалистическая революция, превратив ее в могучую социалистическую державу мира». Миф о безнадежной отсталости дореволюционной России, обусловившей необходимость ее перехода к социализму, продолжал широко пропагандироваться и на первом этапе перестройки. Так в 1986 г. на страницах правды доктор исторических наук П.В. Волобуев писал: «В начале XX в. переход к социализму стал назревшей исторической необходимостью. В конкретно-исторических условиях 1917 г. такой переход был единственным реальным путем преодоления острейшего кризиса вековой отсталости, нищеты и бедности масс, отвечал потребностям общественного развития нашей страны, которую господствующие классы завели в тупик».

Эта концепция была воспринята в американской историографии 70-х гг. XX в. как отказ от формационной теории характерной для советской исторической науке. Позитивная оценка «нового направления» на Западе в немалой степени объясняется тем, что оно противопоставляло Россию Западу как особую модель развития в условиях сильной отсталости. Концепция многоукладности не дает ответа на вопрос как определить характер экономического развития России после отмены крепостного права. Какое это было качество буржуазное или феодальное. К сожалению, представители «нового направления» не соединили свои гипотетические построения с всесторонним анализом фактического материала.

Что касается советской историографии 70–80-х гг., посвященной изучению экономической истории России эпохи капитализма, то нет оснований для всестороннего пересмотра ее исследовательских результатов. Возникла необходимость в преодолении мифов советской историографии (об общине как тормозе развития, об «отсталости» московской деловой элиты и пр.). Ситуация начала выправляться лишь в 1990-е гг. Таким образом,

развитие советской экономической истории можно представить как волнообразную смену в сущности только 2 концепций (в рамках социал-демократической идеологии), по-разному трактующих пути развития России во второй половине XIX – начале XX в. Одна из них признает наличие особых черт эволюции, связывая их с остатками крепостничества, и экономическое отставание страны от передовых капиталистических держав, подчеркивая при этом сходство развития. Другая противопоставляет Россию странам Западной Европы, абсолютизируя масштабы отсталости и особенности эволюции.

3. Экономика России в исследованиях современных российских ученых

Перемены, происходящие в России и порождаемые ими потребности, заставляют отказываться от мифов и обращаться к историческим реальностям. Начавшийся переход к рыночным отношениям привлек внимание к таким вопросам прошлого, которые раньше мало кого интересовали. Так, наметившиеся социальные изменения заставили вспомнить о российском отечественном опыте благотворительности и меценатства. Статьи и книги на эту тему развеяли бытовавшую в советской исторической литературе легенду об отсутствии в России «настоящей» буржуазии или о ее вырождении:

1. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост. О. Платонова. – М.: Современник, 1995. – 479с., фотоил.
2. Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд: Сб. ст.; Под. ред. В.А. Виноградова. – М.: Росспэн, 2000.
3. История предпринимательства в России: В 2 кн. – Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: Росспэн, 1999.
4. Гавлин М. Российские Медичи: портрет предпринимателей. – М.: Терра, 1996
5. Никитина С.К. История российского предпринимательства. – М., 2001.

Становление коммерческого предпринимательства вызвало появление публикаций о дореволюционных торгово-промышленных фирмах, страховых обществах и банках. Они поставили под сомнение распространенные представления об уровне экономического развития старой России. Происходящий сейчас процесс осознания необходимости интеграции российской экономики в мировое хозяйство пробудил общественный интерес к вопросу о роли международных деловых связей в истории российского предпринимательства.

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. – Л.: Наука, 1991.
2. Бovyкин В.И. Французские банки в России в конце XIX – начале XX в. – М.: Росспэн, 1999.

Все эти эмпирические исследования показывают, что утверждения об увеличении экономического отставания России от передовых капиталистических стран являются, мягко говоря необоснованными. Западные историки и экономисты, занимавшиеся сравнительными

исследованиями единодушны в признании высоких темпов экономического развития России. По мнению американского экономиста П. Грегори «темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция». По мнению английских историков А. Милворда и С. Соула, с 1880 г. промышленный рост России был самым быстрым в Европе. Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. – 3,4%, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0%, а к 1913 – до 5,3%. Причем в последнем 15-летии XIX в. темпы прироста продукции промышленности в России были выше, чем в США, а в 1900–1913 гг. они оказались ниже. Другие крупные индустриальные страны Россия устойчиво опережала по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от Германии – на четверть. Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне первой мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания и в 3 раза – чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства. Россия уже к началу 1900-х гг. вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива (угля и нефти взятых вместе), стали, машин, хлопчатобумажных тканей, сахара.

Гораздо менее заметны были сдвиги в индустриальном развитии страны в расчете на душу населения. Обращая внимание на контрасты социально-экономической эволюции страны, А. Милворд и С. Соул отмечают: «Россия была страной крайностей – в климате, в роскоши и в нужде, в примитивном сельском хозяйстве и в самой современной сталелитейной промышленности в Европе... Ее население было столь велико и росло столь быстро, что усилия, которые были бы успешными в других условиях, оказывали малое экономическое воздействие...». Рост населения сводил почти на нет успехи российской индустриализации. Доля России в мировом промышленном производстве далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2%). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8% мировой добычи) и сахар (10, 2% мирового производства). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии, Испании и Японии. Будучи страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным, Россия занимала в мировой экономике более весомые позиции в сфере сельского хозяйства. Но и в сельском хозяйстве производство продукции на душу населения было в России более низким, чем в других странах таких как США, Германия.

Следует иметь в виду, что в отличие от западноевропейских государств, колониальные владения которых были отделены от метрополий морями, Россия представляла собой империю, в которой в едином территориально-административном комплексе оказались слиты метрополия и колония, находившиеся на более низких стадиях развития. Как утверждала Л.С. Гатагова, «в пользу мнения, что Россия не была колониальной державой, можно выстроить целую систему доказательств, начиная с географического фактора, который обусловил «живые токи коммуникации» (в отличие от европейских стран и их колоний, разделенных морями и океанами), а также апеллируя к политическим установкам, которыми руководствовало самодержавие в своей бесконечной экспансии: рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России» Около 90% промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилось на ее Европейскую часть. Двигателем экономического прогресса страны были главным образом ее новые, динамично развивавшиеся аграрные районы: Новороссия, Донская область, Заволжье, Сибирь – основные поставщики сельскохозяйственной продукции на внутренний и внешний рынки.

Накануне Первой мировой войны по валовой сумме национального дохода, отражающей общие результаты общественного производства, Россия превосходила Францию, находясь на уровне Великобритании, то есть немного позади Германии и очень далеко от США. А по характеризующей эффективность народнохозяйственной системы доле национального дохода, приходившейся на одного жителя, она оставалась среди стран, составляющих арьергард тогдашнего капиталистического мира: между Австро-Венгрией и Японией. Однако при сопоставлениях необходимо учитывать момент, на который указывал П. Грегори «предреволюционная Россия имела своего рода двойственную экономику с очень современной промышленностью и отсталым сельским хозяйством» (Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия – СССР) // Коммунист. – 1991. – №1. – С. 69.).

Россия действительно экспортировала продукты сельского хозяйства. Однако это же делали такие государства, как США и Германия. В торговых взаимоотношениях с передовыми странами Запада Россия не играла роль «банановой республики». Как полагает П. Грегори, «экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885–1913 гг. соответствуют образцу современного экономического роста, который испытали на себе индустриально развитые страны». Разница заключалась лишь в том, что, позже вступив на путь индустриального развития, Россия прошла меньший отрезок этого пути.

Продвигаясь по пути индустриального развития вслед за западными странами, Россия имела возможность использовать их технические достижения и опыт крупного машинного производства. Из истории техники известно, что утверждение фабричной индустрии в отставших странах начиналось лишь после преодоления ими порога восприимчивости

зарубежных технических инноваций, когда там появлялась не только потребность в применении машин, но и готовность к их освоению и эксплуатации. Индустриализация этих стран происходила первоначально на основе импортируемой техники и заимствованных технических идей. Такое положение имело место в России вплоть до начала XX в. О начавшемся превращении России из страны, принимающей готовую зарубежную технику, в страну, способную прокладывать новые пути технического прогресса, свидетельствует также активная роль ряда российских заводов в промышленном освоении производства дизель-моторов и разработке их модификаций. В России начался выпуск дизельных моторов предназначенных для использования в качестве судовых двигателей. На этой основе здесь в 1900-е гг. впервые в мире началась и получила широкий размах постройка речных теплоходов.

Впечатляющими были также достижения российской производственно-технической мысли в самолетостроении. В 1912–1913 гг. Русско-Балтийский завод приступил к производству крупных многомоторных самолетов конструкции Сикорского – «Русский витязь» и «Илья Муромец», представлявших собой реальный шаг к созданию транспортной и пассажирской авиации. 19 марта 1913 г. английское посольство в Петербурге обратилось к министру иностранных дел России со следующим меморандумом: «Правительство его величества желает получить те сведения касательно русского аэроплана «Илья Муромец, которые российское правительство могло бы сообщить, ввиду возможного приобретения подобных аппаратов для британского флота».

Ускорение индустриального развития молодых капиталистических стран во второй половине XIX в. благодаря перенесению в эти страны машинной техники из более развитых государств обусловили высокий спрос на капитал, который в значительной степени удовлетворялся за счет иностранных инвестиций. Их использованию, а также овладению сложной техникой благоприятствовал импорт машин, который резко возрастал в период промышленных подъемов – в конце 70-х и во второй половине 90-х гг. XIX в., а также накануне Первой мировой войны. Обычно на импорт машин указывают в подтверждение отсталости России. Однако быстрое расширение в пореформенной России сети коммуникаций – железных дорог и водных путей сообщения – придало развитию машиностроения транспортное направление. И уже к началу 80-х гг. российское производство паровозов и вагонов вытеснило их импорт. Даже в 1890-е гг., когда железнодорожное строительство приобрело наибольший размах, российская промышленность полностью удовлетворяла возросшие потребности в подвижном составе.

Главным объектом иностранных инвестиций в России в XIX в. было железнодорожное строительство. К 1900 г. около 70% размещенных за границей российских ценных бумаг составляли государственные и гарантированные царским правительством частные железнодорожные займы. Иностранцам к тому времени принадлежали 2/3 облигаций этих

займов. Правда, они размещались за границей ниже их номинальной стоимости. К тому же полученные там средства безбожно разворовывались железнодорожными дельцами и подрядчиками-строителями. Поэтому сумма иностранных капиталов, действительно вложенных в сооружение железных дорог в России, была значительно меньше той задолженности, которая образовалась в результате заграничных железнодорожных займов. В начале XX в. значение иностранных инвестиций в железнодорожное строительство в России упало. В 1900–1913 гг. они составили всего 14,1% общей суммы иностранных вложений в российские железнодорожные ценности.

4. Дореволюционная хозяйственная система России в оценках англо-американских исследователей

В отношении интерпретации капиталистического развития России выделяют три основные теории. Теория модернизации родоначальниками, которой являлись американские социологи и историки С. Блэк, М. Леви, Т. фон Лауэ. Вариант теории модернизации, где много внимания уделялось проблемам экономического развития, представил профессор Принстонского университета Блэк, который попытался систематизировать экономическую эволюцию нескольких десятков стран, в том числе и России. Теория «стадий экономического роста» создавалась в 50-е – начале 60-х гг. XX в. и по замыслу ее автора известного американского политолога и экономиста, профессора политической экономии техасского университета У. Ростоу должна была заменить марксистскую теорию исторического развития. А. Гершенкрон создатель теории «стадий экономической отсталости» родился в Одессе, а в 1920 г. покинул Россию. В 1948–1974 гг. был профессором Гарвардского университета. Гершенкрон в течение 60-х гг. прошлого столетия издал ряд книг, в которых сформулировал основные положения теории «стадий экономической отсталости», в ее свете интерпретировал процессы исторического развития Австро-Венгрии, Италии, Германии и России. Его теория была также направлена против марксизма.

Если Ростоу признавал закономерность процесса индустриализации в России, то Гершенкрон отрицал ее. Исходя из этого, Гершенкрон выводил идею «русского пути» развития, Блэк говорил об уникальности русской модели. Ростоу констатирует главным образом общие процессы свойственные как России, так и западноевропейским государствам. В целом можно говорить о сближении взглядов Ростоу, Блэка и Гершенкрона при интерпретации истории России по ряду положений: 1) Россия эпохи капитализма является отсталой страной; 2) в теориях «модернизации» и «стадий экономической отсталости» отстаивается идея уникальности исторического процесса России; 3) развитие рассматривается как функция военной необходимости; 4) политика Петра I знаменует начало процесса модернизации страны; 5) государство и иностранный капитал признаются движущими силами капиталистической индустриализации страны; 6) придается исключительное значение заимствованию технических

достижений западных стран и их социальных институтов; 7) развитие России ставится в зависимость от исторического опыта Западной Европы.

В последние годы широкое распространение в мире получила теория прав собственности и транзакционных издержек. Разработчиком этой теории стал выдающийся американский историк-экономист Дуглас Норт, лауреат Нобелевской премии 1993 г. по экономической истории. Методика Д. Норта заключается в переинтерпретации известных исторических фактов в свете понятий прав собственности и транзакционных издержек. В русле данной теории делается вывод о том, что приоритетной задачей российского государства на всем протяжении его истории было создание политического единства и поддержание статуса великой державы, что достигалось такой концепцией и структурой прав собственности, которая позволяла максимизировать доход при минимизации затрат на спецификацию и защиту прав собственности. Поэтому разработчик теории считает, что понятие эффективности функционирования экономической системы нельзя сводить только к рыночным критериям. Система функционирует эффективно, если она достигает поставленных целей с минимальными затратами. Так, устойчивость общины он объясняет рядом факторов. Прежде всего ее существование удовлетворяло фискальные потребности государства и минимизировало его затраты на сбор налогов и охрану прав собственности членов общины. С другой стороны, обеспечивало потребности членов общины в обеспечении земельными наделами и их охрану. На вопрос о причинах российских реформ и почему они сопровождались контрреформами, Д. Норт склонен увязывать это с тем, что, начиная с Петра I, правительство постоянно стремилось приспособить правовую и экономическую систему России к международным стандартам. Формирование министерской системы, кодификация российских законов в начале XIX в. проводились с учетом западноевропейского опыта. Например, реформа денежной системы С.Ю. Витте строилась на теоретических основах, разработанных Пилем для Великобритании. Но модель развития была непоследовательной, а главное приводила к псевдоморфозу, т.е. переработке западных образцов в соответствии с русскими национальными традициями. Почему же проведение реформ и модернизации в России постоянно сопровождаются псевдоморфозом, когда экономические и другие институты принимают традиционные формы, изменяясь и приспособляясь к существующим условиям? Дело в том, что всякое институциональное изменение требует дополнительных затрат, повышает на какое-то время транзакционные издержки, а отдельные экономические агенты стремясь их минимизировать во-первых, сопротивляются изменениям, а во вторых, вводят их в старое русло. В этом смысле контрреформы есть процесс возвращения общества в устойчивое состояние, процесс уменьшения ТИ. Все структуры российского общества были достаточно хорошо приспособлены друг к другу, «солидарны». Адекватность политической, культурной, правовой и экономической сфер минимизировала ТИ. Устойчивость многих экономических и социальных институтов в России (подушного налога,

Сената, крепостного права, общины, государственной формы собственности и т.д.) объясняется их эффективностью в рамках сложившейся системы. До 1861 г. структура российской экономики с точки зрения институтов была достаточно однородной. Она не требовала для своего функционирования развитых рыночных механизмов, последние были лишь необходимы для внешнеэкономических связей. После реформ появились банковская, страховая система и другие рыночные институты, находившиеся в противоречии с традиционными структурами. Это нарушало целостность институциональной системы, вело к росту ТИ и замедляло процессы экономического роста.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ